

Первые опыты парламентаризма в Императорской России: дискуссии в губернских комитетах по улучшению быта помещичьих крестьян

Репинецкий Станислав Александрович, к.и.н., докторант кафедры Всеобщей истории Университета Бар-Илан (Bar-Ilan University), г. Рамат-Ган, Израиль.

В 1858 – 1859 гг. во всех губернских городах крепостнических регионов Российской империи работали дворянские «Комитеты по улучшению быта помещичьих крестьян». На заседавших в них выборных представителей помещиков и назначенных «членов от правительства» была возложена задача выработки проектов крестьянской реформы с учётом местной специфики. Эти комитеты стали первыми выборными представительными органами, участвовавшими в разработке общегосударственного законодательства в истории императорской России (Уложенную Комиссию можно не учитывать, поскольку она имела чисто совещательные функции и не смогла выработать нового законодательства).

Пониманию работы комитетов как первого опыта парламентаризма для российского поместного дворянства способствует ряд обстоятельств. Во-первых, открытие комитетов фактически открыло Эпоху Великих Реформ (как хронологически, так и психологически), приведших в числе прочего к созданию земств – постоянно действующих и уже не только дворянских выборных органов местного самоуправления. Комитеты, в некоторой степени, можно считать их прообразами. Во-вторых, сами члены комитетов и многие их современники при их описании употребляли специфически парламентские термины: «парламент», «партия»¹ и др., несмотря на то, что официально эти термины не использовались, что указывает на восприятие комитетов именно в качестве прообразов парламента.

¹ Данные взяты из материалов перлюстрации, см., например: Русское общество 40 – 50 – х годов XIX века. Часть 1. Записки А.И. Кошелева. М.: МГУ, 1991. С. 99; ГАРФ, ф. 103, о. 3, д. 2004, л. 5, 9 (Казань); д. 2007, л. 2 (Киев); д. 2018, л. 14, 16 (Орёл); д. 2026, л. 16, 21 (Самара) и др.

Изучая фонды указанных комитетов (протоколы заседаний и сопутствующие документы), можно видеть настроение помещиков, их политические и экономические взгляды и программы, их теоретическую и практическую подготовку к переходу к новой системе аграрных отношений, а так же и к другим преобразованиям, как совершившимся в последствии (например, введению земств как органов местного самоуправления), так и бесплодно требуемым в течение длительного времени (например, созданию парламента).

Особым источником для изучения политической расстановки сил в стране являются особые мнения членов дворянских комитетов. Подача особого мнения являлась официально фиксируемым политическим выступлением на местном уровне. Ещё одно важное достоинство данного источника – возможность применить к нему статистические методы. С их помощью, попытаемся ответить на ряд вопросов, связанных с работой этого органа. Для сравнения взяты материалы четырёх комитетов: Рязанского², Самарского³, Тверского⁴ и Тульского⁵. Они располагались в различных этно-географических и социально-экономических регионах, что нашло отражение и в законодательстве реформы: губернии были отнесены к различным «полосам».

Самарский комитет работал в степной ново освоенной губернии с преобладанием государственных крестьян, которая была поделена между степной и чернозёмной полосами. Тверской комитет находился в центральном районе с многочисленными имениями и древними традициями феодального землевладения, губерния целиком попала в нечернозёмную полосу. Рязанская и Тульская губернии были отнесены к чернозёмной и нечернозёмной полосам и так же, как и Тверская, имели развитые крепостнические традиции и располагались вблизи Москвы, но, в отличие от

² ГАРО, фф. 99, 898, оо.1 – 2.

³ Статистические подсчёты в отношении самарского комитета велись по журналам заседаний: ГАСО – ф. 341, оп. 1, д. 1 – 5.

⁴ Статистические подсчёты в отношении тверского комитета велись по особым мнениям членов: ГАТО – ф. 148, оп. 1, д. 1817 – 1916.

⁵ ГАУТО ГА, ф. 39, о. 1, д. 180 – 198.

неё, там в структуре занятости крестьян полностью доминировало сельское хозяйство.

Во всех комитетах были более или менее сформировавшиеся «фракции» или «партии» с ярко выраженными лидерами. В Самарском, Рязанском и Тульском комитетах крепостническому большинству во главе с помещиками Ф.С. Офросимовым (Рязань), И.П. Рычковым и Б.П. Обуховым (Самара) противостояло меньшинство, сплочённое вокруг членов от правительства славянофилов Ю.Ф. Самарина (Самара), князя В.А. Черкасского (Тула), Д.Ф. Самарина и А.И. Кошелева (Рязань)⁶. В Тверском комитете сложилось либеральное большинство, которое возглавил местный выдвиженец А.М. Унковский. В других рассматриваемых нами комитетах либералы практически отсутствовали (учитывая, что славянофилы являлись представителями российского традиционализма или даже консерватизма⁷).

Интересно отметить, что, как в Твери, так и в Самаре, интересы «дела эмансипации» защищались, главным образом, ярким лидером и двумя его соратниками: в Твери это были А.М. Унковский, А.А. Головачёв и А.И. Европеус⁸, а в Самаре – Ю.Ф. Самарин, Д.Н. Рычков и А.А. Шишков⁹. Всё это в очередной раз указывает на попытки самоорганизации «прото-фракций» внутри комитетов.

В Самаре, Твери и Рязани администрация занимала относительно либеральные позиции: К.К. Грот был Самарским губернатором и указывал в частной переписке, что при паритете «партий» в комитете, благодаря Самарину, успех у «благомыслящих», то есть разделяющих

⁶ ГАРФ, ф. 103, о. 3, д. 2026; Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Рязань, 1903. С. 310 – 315; Попов И.П. Либеральное движение провинциального дворянства в России. Дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1974.

⁷ См., об этом: Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860 – 1880 гг.). Саратов: Изд-во СГУ, 2004. С. 358; Наумов А.С. Российский либерализм: истоки, содержание, влияние на социально-экономические процессы в стране (конец 18 – начало 20 веков). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2007; Пустарнаков В.Ф. Либерализм в России. Казань: Печатный Двор, 2002. С. 16, 62; Offord D. Nineteenth-Centure Russia. Opposition to Autocracy. L., N-Y., 1999. Pp. 48 – 50; Walicki A. The Slavophile Controversy. History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Centure Russian Thought. Indiana: University of Notre Dame Press, 1989.

⁸ Кривонос М. Мятежное земство. Тверь: ЗАО «Литера – М», 2001. С. 45 – 75.

⁹ Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М.: Алгоритм, 2003. С. 110.

правительственный курс на освобождение крестьян¹⁰. известный писатель М.Е. Салтыков-Щедрин работал вице-губернатором и фактически управлял всеми делами сначала в Рязани, а затем в Твери. Он сообщал, что в Рязани ему приходилось заниматься «практикой либерализма в капище антилиберализма». Для того чтобы в Твери не сложилась аналогичная ситуация, Салтыков посодействовал возвращению Унковского и Европеуса из кратковременной ссылки¹¹.

Определенный интерес представляет выяснение тематики особых мнений, то есть основных направлений развертывавшихся в комитетах дискуссий (данные приведены в Диаграмме 1). Некоторые показания статистики вполне объяснимы, исходя из известных данных о крестьянской реформе. Например, вполне понятно, что в располагавшейся между двумя столицами Твери связанные с крестьянскими промыслами вопросы вызвали живейшую дискуссию, тогда как в земледельческой Самарской губернии этому не уделяли внимания, зато там значительно активнее обсуждались состав и размеры земельных наделов крестьян.

Тульское большинство вообще смотрело на перспективы помещного дворянства крайне пессимистично и в архиве сохранилось дело по поданному особому мнению дворян Тульского уезда о необеспеченном положении дворянства после реформы. Единственный выход, который помещики смогли предложить устами коллежского асессора И.А. Пушкина – это перевод долгов, лежащих на дворянских имениях, на крестьянский надел. Для более детального рассмотрения помощи себе помещики предлагали учредить специальную комиссию¹².

Рязанские помещики-крепостники были в большинстве и, по всей видимости, чувствовали силу на своей стороне, поэтому не создавали столь панических документов. Наоборот – сторонники освобождения крестьян были столь неуверенны в благополучном исходе дела, что отпускали своих

¹⁰ ГАРФ, ф. 103, о. 3, д. 2026, л. 16 – 18.

¹¹ Кривонос М. Мятёжное земство. Тверь: ЗАО «Литера – М», 2001. С. 62 – 63.

¹² ГАУТО ГА, ф. 39, о. 1, д. 184, 189, 196.

людей в «свободные хлебопашцы» уже в период подготовки реформы, не дожидаясь её результатов¹³. Надо отметить, что саму реформу, как в Рязани, так и в России в целом, воспринимали именно как перевод всех крепостных в состояние свободных хлебопашцев¹⁴. Попытки совершить то же самое индивидуально в период подготовки всеобщего преобразования указывают на глубокое недоверие исполнителям предстоящей реформы.

Тогда как в Твери и Туле помещики были озабочены, прежде всего, определением стоимости земли (то есть тем, за сколько можно продать крестьянам мало доходные наделы и поправить, таким образом, свое финансовое положение), самарцы уделяли много внимания организации обязательного труда пореформенных крестьян. В губернии, где именно земля составляла главную ценность, помещики категорически отказывались расставаться с даровой рабочей силой, веками обеспечивавшей ее обработку и основной доход имений. Разрабатывались проекты сохранения барщины и перехода на новую систему обязательного труда, получившую название «отрабочной».

Так, например, предводитель дворянства Бугурусланского уезда И.П. Рычков (лидер «фракции» самарских крепостников) в своей записке заявил категорически, что не может «согласиться, чтобы помещики Самарской губернии вообще, а Бугульминского и Бугурусланского уездов в особенности, могли когда-нибудь существовать при оброчных имениях». Аргументируя свою позицию, автор рассчитал на местном хозяйственном и статистическом материале, что при переходе на оброк в личном распоряжении помещика останется в среднем порядка 25 рублей в год, что значительно ниже прожиточного минимума¹⁵.

¹³ ГАРО, ф. 99, д. 448.

¹⁴ ГАРО, ф. 898, о. 1, д. 25. О схожем восприятии реформы в публицистике и записках см.: Корвин-Круковский П. О выкупе крестьян. // Отечественные записки. 1859, № 4. С. 563; Помещик Полтавской губернии. IV // Современная летопись. Русский вестник. Т. 14, 1858. С. 289; Соловьёв Я. О поземельном владении в России. // Отечественные записки. 1858, № 9. Т. 120. С. 216.; Нестеров. Мысли об экономическом и полицейском устройстве увольняемых помещичьих крестьян (статья, не допущенная цензурой к публикации в журнале «Атеней»). // РГИА, ф. 772, о. 1, ч. 2, д. 4762, л. 2 – 3; ГАРФ. – Ф. 109., Оп. 3. – Д. 1973. Л. 2.

¹⁵ ГАСО – ф. 341, оп. 1, д. 3, л. 77.

Некоторые тульские помещики так же были озабочены своевременным получением достаточного количества денежных средств в ходе выкупной операции, в связи с чем дворянство Богородицкого и Ефремовского уездов, барон Нольде и граф Бобринский выступили с требованиями обязательного немедленного выкупа крестьянами своих наделов по «полной рыночной стоимости»¹⁶. В то же время в рязанском комитете был составлен проект пронского дворянства, подразумевавший растягивание выкупной операции на 12 лет¹⁷.

Возможно, упоминавшееся ранее прошение помещиков А.Л. Гурко и Н.Н. Веревкина отпустить своих крестьян в свободные хлебопашцы объясняется их опасением не за то, что крестьяне не будут освобождены, как мы предполагали ранее, а за то, что при их освобождении помещики не получают компенсации. Как известно, уходя в свободные хлебопашцы, крестьяне обязаны были заплатить произвольно назначенную сумму, что было очень выгодно для дворян.

Большой интерес представляет значительное превалирование количества особых мнений тверских помещиков по общим вопросам (о сути и целях реформы – зачастую сочинения так и были озаглавлены: "Об улучшении быта помещичьих крестьян"). Тон в комитете задавали А.М. Унковский и его соратники, отличавшиеся максимальной широтой взгляда на реформу. Свой проект освобождения крестьян они фактически превратили в программу комплексных преобразований общественно-экономических отношений. В разработке основных «начал» реформы лидеры тверского комитета пытались координировать свою работу с коллегами из других губерний – сохранились документы об обмене данными и деловой переписке с губернскими предводителями из Смоленска, Новгорода, Ярославля, Владимира, Вологды. Даже предводитель достаточно отдалённого Казанского комитета сообщил А.М. Унковскому, что даёт своё согласие на

¹⁶ ГАУТО ГА, ф. 39, о. 1, д. 190, 191, 192, 193.

¹⁷ ГАРО, ф. 898, о. 1, д. 25.

рассмотрение «обзора оснований вашего комитета»¹⁸. Правда, это не было чем-то уникальным, хотя официально и запрещалось: например, Рязанский комитет тоже сразу по открытию установил связи с владимирскими и воронежскими коллегами¹⁹.

Такого рода деятельность тверского большинства противоречила предложенной правительством узкой направленности занятий комитетов и выходила далеко за рамки отведённых комитету полномочий, поэтому противники либерального большинства – именно от них в основном исходили особые мнения по общим вопросам – могли возражать его представителям по существу, позиционируя себя в качестве благонамеренных (настроенных проправительственно) подданных – излюбленная позиция консерваторов и крепостников.

В Самаре ситуация была совершенно иной. Самарин отражал правительственную программу, и возражать ему по общим вопросам было сложно и опасно. Сами самарские крепостники только пытались зацепиться за милые их сердцу хозяйственные формы (отстаивали барщину против оброка, отработки, полномочия помещиков и т.п.) и не выдвигали никакой широкой программы, поэтому споры в комитете сосредоточились на конкретных вопросах. При этом самарских консерваторов очень заботила судьба мелкопоместных дворян: хотя они к таковым не относились, по этому поводу было подано сравнительно большое число особых мнений. Этому тоже есть логическое объяснение.

Мелкопоместные дворяне практически при любом варианте реализации реформы составляли группу наибольшего риска среди помещиков: именно для них угроза разорения в случае выгодных крестьянам преобразований была наиболее сильна. По этой причине, апеллируя к тяжелым последствиям реформы для мелкопоместных дворян (самой уязвимой группы душевладельцев), можно было наиболее эффективно защищать интересы

¹⁸ ГАТО – ф. 645, оп. 1, д. 3767, л. 1 – 51.

¹⁹ ГАРО, ф. 898, о.1, д. 1, лл. 164 – 165, 173.

класса помещиков в целом. Консервативно-крепостническое большинство самарского комитета – в виду отсутствия более удобных поводов для нападения на наиболее прогрессивные проекты (как это реализовывалось в Твери) – использовали лозунг защиты справедливости и человеколюбия в отношении мелкопоместных дворян для защиты своих собственных и в целом помещичьих интересов и сведения к минимуму уступок крестьянам.

Тульское дворянство тоже, хотя и с запозданием (ниже указанные документы датированы 1861 годом и составлены после обнародования Актов реформы), довольно активно выступило по вопросам, далеко выходящим за круг предложенных им правительством. Например, П.А. Чижов потребовал учреждение общей редакционной комиссии для пересмотра свода законов (ряд дворян подписали это предложение), а дворянство Крапивинского, Каширского и несколько представителей других уездов ходатайствовали о «составлении комиссии из выборных лиц для проектов новых законоположений». Некоторые помещики пытались скоординироваться, оставаясь в рамках закона: сохранилось архивное дело по поводу письма помещика Соболева о распространении изданного им руководства к составлению уставных грамот между дворянами Тульской губернии²⁰.

Другой интересной проблемой, на наш взгляд, является сравнение активности отдельных членов комитетов и их групп (данные приведены в Диаграммах 2 и 3). В обоих комитетах около двух третей всех поданных особых мнений приходилось на группу наиболее активных авторов, каждый из которых подавал от 9 до 20 % особых мнений. Однако в поведении членов этой групп наблюдалась существенная разница. Во-первых, если на долю лидеров активности самарского комитета единомышленников Ю. Самарина и С. Шелашникова приходилось 20 и 18 % особых мнений соответственно, то самые активные тверичи – В. Змеев и А. Унковский – являлись авторами только 11 и 9 % сочинений. Во-вторых, группа наиболее активных авторов в Твери состояла из 7 человек (за одним числится 11 % особых мнений,

²⁰ ГАУТО ГА, ф. 39, о. 1, д. 185, 187, 194.

остальные составили по 9 % каждый), а в Самаре – из четырех представителей сторонников эмансипации, постоянно возражавших крепостническому большинству (Юрий Самарин, Степан Шелашников, Дмитрий Рычков и Александр Шишков).

Иллюстрацией к этой статистике может быть письмо Самарина И.С. Аксакову в Москву 12 октября 1858 года, где он признавался: «Еженедельно я пишу около 6-7 листов протестов и отдельных мнений». Юрий Федорович работал на большом душевном подъеме и отмечал в письме Николаю Милютину за день до того: «Тяжело и в тоже время лучше в тысячу раз лучше прежней спячки, тишины и неподвижности»²¹.

Группа средней активности (авторы 4 – 8 % особых мнений) в Самарской губернии оказалась гораздо активнее: таких членов комитета было 7 и в совокупности на их долю приходилось треть всех особых мнений. В Твери показатели были вдвое ниже: в группу средней активности попали лишь трое членов комитета и на их долю приходилось 15 % всех особых мнений. Объяснить это можно тем, что в Самаре сложилась оппозиционная партия, каждый член которой старался внести свою лепту. Самарин, в частности, сообщал Н.А. Милютину, что его сторонников в комитете «четверо против 11 или 12»²². В Твери же большинство членов остались в тени своих лидеров, зато 9 членов тверского комитета сочли нужным подать по одному особому мнению, то есть около 2 % в совокупности. В самарском комитете таких случаев было всего 2.

Таким образом, статистика подаваемых особых мнений в рассмотренных комитетах по улучшению быта помещичьих крестьян позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, её данные вполне подтверждают известные в исторической науке положения об активности ряда деятелей и различиях в работе комитетов разных регионов и природных зон. Во-вторых, они показывают, что подавляющее большинство членов

²¹ ГАРФ, ф. 103, о. 3, д. 2026, л. 14 – 15.

²² ГАРФ, ф. 103, о. 3, д. 2026, л. 14.

комитетов (то есть, фактически, дворянских депутатов) активно участвовали в обсуждении целого комплекса вопросов: от местных хозяйственных до общегосударственных социально-политических. Помещики так же продемонстрировали способность довольно быстро сформировать «протопартии» с активными и авторитетными лидерами, не боящимися брать на себя ответственность и обладающими незаурядными интеллектуальными навыками и умением вести дискуссию, отстаивая свои позиции.

Споры в комитетах нередко проходили довольно остро. Наиболее ожесточёнными стали политические баталии в Самаре и Рязани: в обоих городах оппоненты сначала писали адреса и письма друг против друга вышестоящим инстанциям (это довольно часто происходило и в других губерниях, Тверскую, например, в столице так и прозвали – «адресный стол»²³), а затем перешли к более резким мерам. В итоге в Рязани дошло до рукоприкладства²⁴ и скандала с участием Министра внутренних дел С.С. Ланского²⁵, а в Самаре едва не привело к дуэли; есть свидетельства, что и там имели место «драки в комитете» (сложно понять, сказано это в прямом смысле или фигурально)²⁶. Нельзя удержаться от аналогии между такими случаями и традиционными выяснениями отношений среди думных бояр, таскавших друг друга за бороды, или поведением некоторых депутатов Государственной Думы в 90-ые годы XX века.

Таким образом, можно выделить несколько признаков соответствия деятельности комитетов работе классических выборных органов управления:

1. Комитеты выполнили поставленную перед ними задачу и осуществили рассмотрение всех пунктов предложенной программы, составив свои проекты – ни в одном комитете работа не была сорвана, а все формы протеста укладывались в рамки «комитетской» деятельности, не носили характера обструкции. Поместное дворянство «приняло» и поддержало делом идею представительного органа.

²³ Кривонос М. Мятежное земство. Тверь: ЗАО «Литера – М», 2001. С. 75.

²⁴ ГАРО, ф. 99, д. 422.

²⁵ Русское общество 40 – 50 – х годов XIX века. Часть 1. Записки А.И. Кошелева. М.: МГУ, 1991. С. 105.

²⁶ ГАРФ, ф. 103, о. 3, д. 2026, л. 20.

2. В большинстве комитетов (в том числе во всех рассмотренных выше) помещики смогли самостоятельно организовать во фракции, выдвинуть своих лидеров, определить теоретические и практические платформы, сформулировать и артикулировать свои требования в виде развёрнутых законопроектов. В большинстве комитетов появились проекты большинства и меньшинства (так было в Туле²⁷, а в Рязани подали сразу 3 проекта: большинства и от двух «меньшинств»²⁸), а так же ряд индивидуальных проектов (например, проект Ю.Ф. Самарина).

Есть основания полагать, что в случае реализации предложенной многими делегатами идеи созыва «общероссийского учредительного органа» (такие предложения, в частности звучали в Твери²⁹ и Туле³⁰), он смог бы функционировать как полноценный парламент со своими фракциями и способностью выдвигать законопроекты, вести прения и т.д. Депутаты продемонстрировали полную готовность к такой работе.

3. Обращаясь к содержательной стороне проектов комитетов, следует отметить, что при всех оговорках и искажениях, вызванных новизной такого вида деятельности для помещиков и их стремлением защитить свои частные или групповые интересы, дворянство продемонстрировало способность к квалифицированному законотворчеству в составе коллектива выборных представителей.

4. Острые конфликты и обилие «особых мнений» в ряде комитетов указывают, насколько небезразлична стала эта работа значительному числу депутатов, как серьёзно и близко к сердцу воспринимали они свою миссию, какие большие надежды возлагали на свой вклад в общее дело.

Всё это вполне позволяет утверждать, что поместное дворянство при всех своих проблемах, обусловленных и недостатками образования, и вынужденным «тридцатилетним молчанием», было уже вполне готово к принятию на себя роли одного из субъектов реформаторского процесса и

²⁷ ГАУТО ГА, ф. 39, о. 1, д. 182, 183.

²⁸ Русское общество 40 – 50 – х годов XIX века. Часть 1. Записки А.И. Кошелева. М.: МГУ, 1991. С. 106.

²⁹ Унковский А.М. Соображения по докладам редакционных комиссий. // Голоса из России. Т. 9. С. 38.

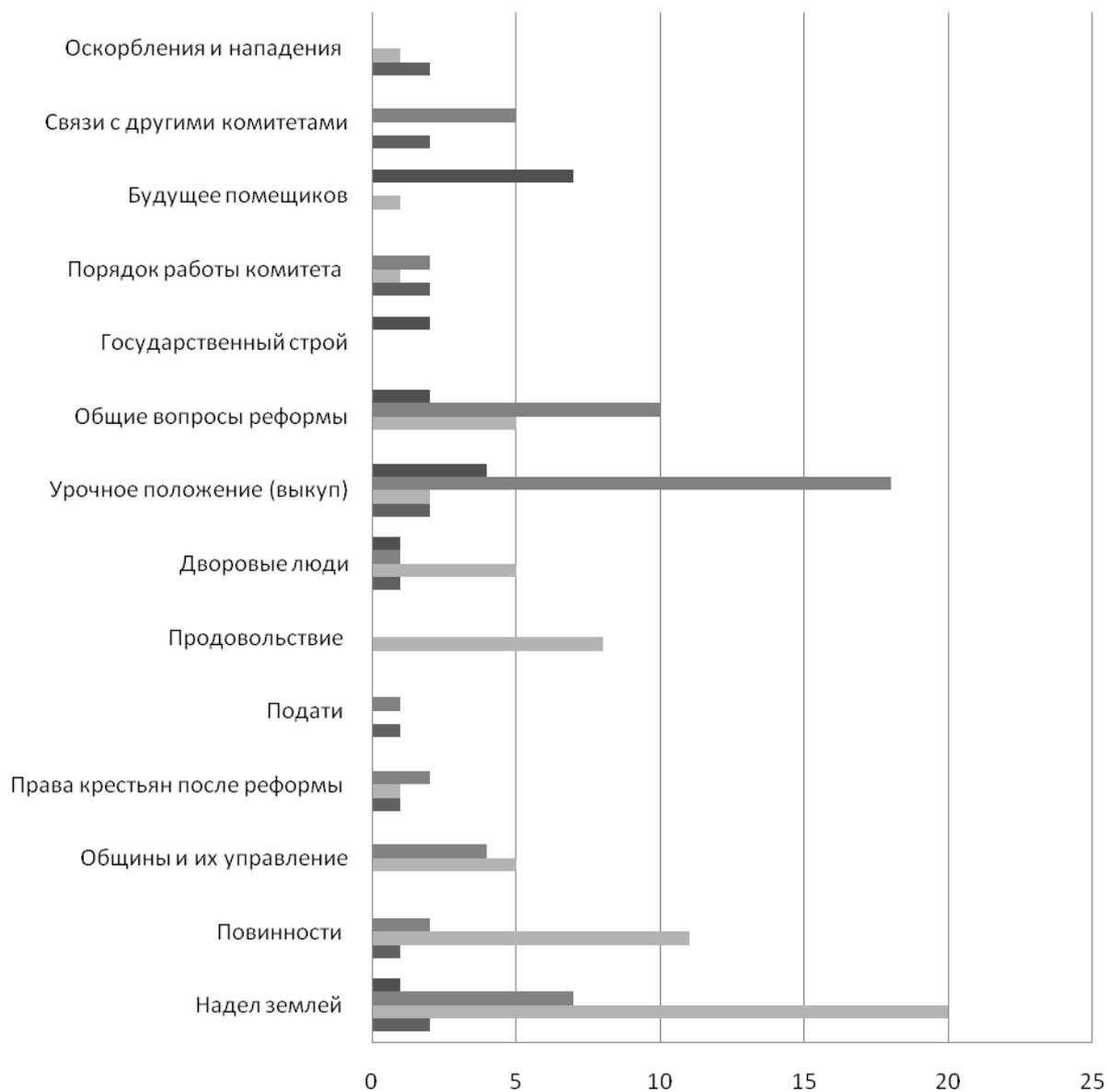
³⁰ ГАУТО ГА, ф. 39, о. 1, д. 185, 194.

государственной политики. Тем сильнее было их разочарование отказом правительства в этой возможности и сведением их роли к решению мало значимых вопросов местного значения в составе земств. Реакцией на невозможность выполнить своё политическое предназначение стало разделение дворянства на 3 «группы протеста» против государственной политики, которые начали обозначаться ещё до реформы 1861 года и формироваться внутри комитетов:

1. Консерваторы, считавшие, что нет смысла в реформах, навязанных дворянству и проводимых без учёта его мнения и интересов – такова была позиция крепостнического большинства самарского и консервативного меньшинства тверского комитетов.
2. Оппозиционеров, видевших перспективы преобразований значительно дальше и шире ограниченных правительственных реформ и разочаровавшихся, в конце концов, в реформаторском потенциале существующей государственности – к этой группе относились единомышленники А.М. Унковского в Твери и по всей стране.
3. «Деграданты» – помещики, не понявшие и не принявшие происходящих общественно-экономических преобразований и изменений и потерявшие свои позиции: эти люди не оставили своего следа в истории, поэтому их сложно назвать поимённо, но таких было достаточно много и яркими образами представителей этой группы можно считать персонажей пьесы «Вишнёвый сад». В нашем исследовании таковыми были «промолчавшие» члены комитетов, затруднившиеся продемонстрировать адекватную реакцию на происходящие в стране перемены и артикулировать свою позицию.

Диаграмма 1.

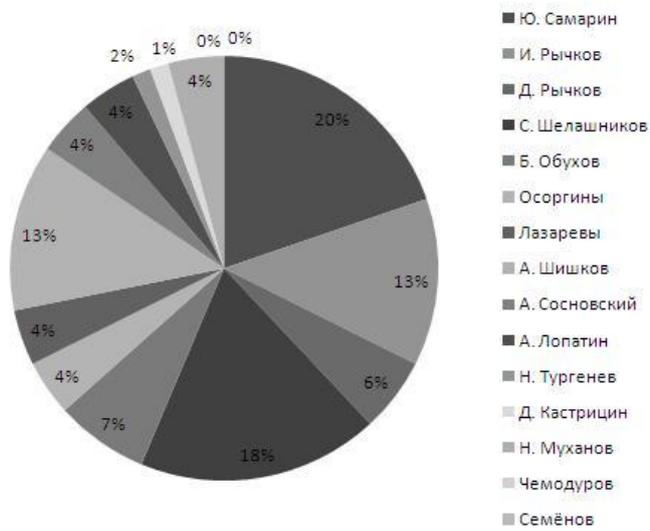
Особые мнения в комитетах по улучшению быта помещичьих крестьян

	Надел землей	Повинности	Общины и их управление	Права крестьян после реформы	Подати	Продовольствие	Дворовые люди	Урочное положение (выкуп)	Общие вопросы реформы	Государственный строй	Порядок работы комитета	Будущее помещиков	Связи с другими комитетами	Оскорбления и нападения
■ Тула	1	0	0	0	0	0	1	4	2	2	0	7	0	0
■ Тверь	7	2	4	2	1	0	1	18	10	0	2	0	5	0
■ Самара	20	11	5	1	0	8	5	2	5	0	1	1	0	1
■ Рязань	2	1	0	1	1	0	1	2	0	0	2	0	2	2

Диаграмма 2.

Количество особых мнений в Самаре

Количество особых мнений в Твери

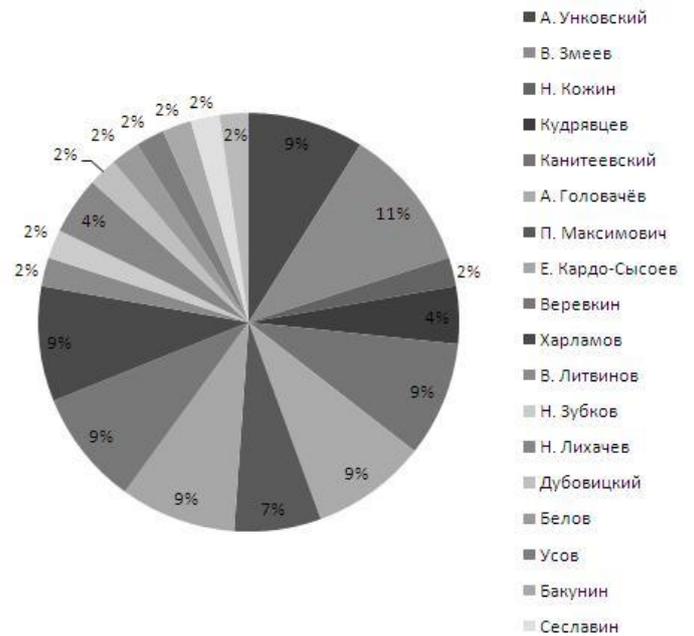

Диаграмма 3.

Количество членов комитетов разной степени активности (в зависимости от приходящейся на них доли поданных особых мнений)

